

DOI: 10.15372/HSS20200305
УДК 821.161'01–311.8"14"

Т.В. ПАНИЧ

СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ПАТРИАРШЕГО КРУГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

В статье исследуется специфика отображения событий прошлого в сочинениях церковных писателей второй половины XVII в., входивших в круг патриарха (Афанасия Холмогорского, Евфимия Чудовского, Игнатия Римского-Корсакова). В качестве источников исследования привлечены тексты этих авторов, написанные в разных жанрах: полемические трактаты, жития, послания и др. В ходе их анализа определяются мотивы и характер актуализации событий и образов прошлого, зафиксированных в текстах исторической тематики предшествующих эпох, а также запечатленных в исторической памяти. Устанавливаются особенности использования сюжетов, сохранивших память о прошлом, в структуре текстов церковных писателей второй половины XVII в.; формы интерпретации исторических событий и фактов во взаимосвязи с социокультурной проблематикой этого времени.

Ключевые слова: события прошлого, историческая память, церковные писатели XVII в., интерпретация исторических событий.

T.V. PANICH

EVENTS OF THE PAST IN THE WORKS OF THE PATRIARCH CIRCLE WRITERS IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Studying material is the literary heritage of the church writer's community in the Patriarch circle in the second half of the XVII century preserved mainly in manuscript form. The paper analyzes writings by Afanasy Kholmogorsky, Evfimy Chudovsky, and Ignatius (Rimsky-Korsakov). In these author's texts (polemical treatises, historical biographies, epistles, etc.) a description of modern realities and facts intertwines with the events of ancient history and later epochs, recorded not only in different time narratives, but in the historical memory of participants and eyewitnesses to events (including the memory of writers themselves). Some past events used by the authors are of oral origin. The specific character of the analyzed writings, that were created applying early texts with stories on historical themes and references to historical events, names of outstanding historical personalities, allows us to consider ways and purposes of their use, as well as to understand the nature of reception and evaluation of events of the past by the authors of the "transitional" era in relation to its current problems. Thus, the article objective is to study the peculiarities of describing the events of the past in the works of the Patriarchal circle's church writers in the second half of the XVII century. Based on the materials analysis, the author identifies causes and nature of actualizing the events and images of the past, reflected in the texts of previous epochs, as well as captured in historical memory. The paper considers peculiarities of displaying historical subjects in the text structure in the second half of the XVII century; reveals that the creative strategy of authors, who used in their works certain historical events and facts, was based on the desire to extract the necessary information related to a given subject, to increase the emotional impact on the readers, to expand the arguments in the polemics with ideological opponents, to draw attention to current problems of modernity emphasizing the continuity of tradition.

Key words: past events, historical memory, XVII century church writers, interpreting historical events.

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: tvpanich@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6223-7615>.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Institute of History SB RAS.

ОБОСНОВАНИЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Задача изучения отображения событий о прошлом в творчестве писателей патриаршего круга второй половины XVII в. определяется все более возрастающим интересом исследователей к истории России, ее историческому прошлому; она относится к комплексу проблем, связанных с такими важными категориями, как «память о прошлом», «историческая память», «автобиографическая память» и т.д., рассмотрение которых имеет большое научное значение и актуальность. Память о прошлом представляет собой феномен, который во многом обеспечивает преемственность традиций, непрерывность исторического процесса и является одним из важных факторов сохранения культуры социума, его конфессиональной и национальной идентичности, осознания своего места в мире. Как отмечает Л.П. Репина, «зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [1, с. 414].

Литературное наследие, оставленное церковными писателями круга патриарха, сохранившееся преимущественно в рукописном виде, специфика их сочинений, по традиции строившихся с использованием ранних текстов, а, следовательно, неизбежно включавших сюжеты на исторические темы, упоминание различных исторических событий, имен выдающихся исторических деятелей, мифов, позволяет рассмотреть способы и цели их использования, характер рецепции и оценки событий прошлого авторами «переходной» эпохи в связи с ее актуальными проблемами, что и составляет задачу настоящей статьи.

СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЕВФИМИЯ ЧУДОВСКОГО: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Если обратиться к сочинениям изучаемых авторов, то можно отметить факт частой актуализации ими событий прошлого, закрепленных в текстах, относящихся к разным эпохам, в том числе древнейшим. Так, один из ярких представителей рассматриваемого сообщества церковных писателей Евфимий Чудовский в известном Послании на имя патриарха Адриана обратился к эпохе египетского царя Птолемея II Филадельфа (285–246 до н.э.), при котором был осуществлен перевод Пятикнижия с древнееврейского языка на греческий. Напоминание этого исключительно важного события в истории мировой культуры понадобилось Евфимию для того, чтобы решить важную для него задачу: убедить патриарха в необходимости печатного издания ряда богословских и полемических трудов («святых книг»). Речь шла об издании новых переводов текстов Священного Писания, патристики, а также публицистических сочинений, созданных с целью противодействия уси-

лившимся процессам секуляризации и влияния западных конфессий¹. Подготовка некоторых из них была мотивирована полемикой о времени пресуществления святых даров на литургии, в частности, истории этого спора была посвящена книга «Щит веры», в работе над которой, помимо Афанасия Холмогорского² и других писателей-грекофилов, большое участие принимал и сам автор Послания³.

Призывая Адриана дать свое патриаршее согласие на издание ряда подготовленных для «печатного тиснения» книг, Евфимий Чудовский писал: «Благоволи, государь, сотвори имя твое именовито в непремежные роды родов и славимо, яко славится повсюду имя Птолемея Филадельфа, его же тщанием и великим иждивением преведесе на еллинский диалект книга Ветхий Завет. Вышепомяненныя убо зде святыя книги, яже ныне преведошася, нуждныя суть ветхозаконных, аще к сему и типом издадутся блаженства твоего при архиерействе, честншо и славншо будет имя твое онаго и равно почтен будеши святым, писавшим книги сия. Они бо трудишася мнози в многа времена, твое же блаженство – един и в едино время своего архиерейства появиши сия во вся концы земли, яко иное солнце водрузиши на тверди небесе, его же ни мрак, ни облак темный возможет закрыти когда, но присно всем святящо живущим на селенней. Или яко светилник, изнес из-под спуда, положиши на свещнице, да возсветит всем требующим» (цит. по: [3, с. 322]).

Евфимий таким образом проводит параллель между культурными событиями глубокой древности (создание Септуагинты) и современности (планируемое им издание корпуса богословских и полемических книг в защиту православной Церкви), так как для него они представляют сопоставимые по своей значимости события в истории христианства. Чудовский книжник озабочен судьбой православия, которое, по его словам, «колеблемое от нападающих врагов истины», требует защиты и утверждения. Поэтому он просит патриарха последовать примеру Птолемея, а также ветхозаветного первосвященника («великого священника») Симона, прославившегося благими делами по укреплению Храма⁴, и тем самым войти в историю, оставив добрую славу и память о себе. «Потчися, государь, – писал Евфимий, – сие нужнейшее дело архиерейству твоему соделати. Не даждь славы твоя иному, стяжи сам, блаженство твое, славу твою, богодарованную тебе! Буди прославлен и похвален, яко Симон Онеев, архиерей великий, его же мудрый Сирах поминает

¹ Обзор переводческой деятельности книжников второй половины XVII в. и отдельных полемико-публицистических трудов, созданных в этот период, см.: [2].

² Напомню, что Афанасий Холмогорский был главным составителем и редактором текстов, составивших «Щит веры». Об обстоятельствах создания и истории текста книги см.: [3].

³ Послание вошло в состав Дополненной редакции «Щита веры», над которой трудился Евфимий Чудовский (редакция известна в единственном списке конца XVII в.: ГИМ, Синодальное собрание, № 346. См.: [3, с. 165–176]).

⁴ См.: Сир 50: 1–23.

во главе 50, иже во днех своих утверди церковь» (цит. по: [3, с. 322]). В данном случае речь идет о событиях ветхозаветной истории, ссылки на которую являлись неотъемлемой частью средневековой литературы, поскольку ее образная система базировалась во многом на библейской поэтике.

Таким образом, опираясь на исторические события глубокой древности и проводя параллели с реалиями и злободневными запросами современной ему эпохи, Евфимий Чудовский привлекал внимание к одной из насущных проблем второй половины XVII в. – проблеме просвещения. Ее актуализировали динамичные процессы, происходившие в общественной жизни: последствия церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича; расширение контактов с иностранцами, приводившее к усилению влияния западных конфессий (что особенно наглядно продемонстрировал спор по вопросу о времени пресуществления, издавна представлявшему собой предмет разногласий между православной и католической церквями). В Послании Евфимия Чудовского проводится идея духовного просвещения путем издания и распространения соответствующих этой задаче «святых книг», могущих стать духовным оружием для защиты православия от влияния католической и протестантской церквей. Писатель подкрепляет свою мысль, обратившись к опыту прошлого – эпизодам, описанным в Библии, и историческим фактам времен Птолемея, в которых он ищет сходство со злободневными событиями современности.

Евфимий нередко использует исторические эпизоды и в событийной системе комплекса полемических текстов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского. Например, в сочинении «Моление Церкви» [4, с. 102–119], входящем в данный комплекс, писатель, рассуждая о необходимости церковного осуждения и наказания Артемьева за отступление от православия, обращается к историческим прецедентам. Так, он проводит параллель с судьбой новгородца Ивана Козырева (о нем см. [5, с. 168–170]), увлекшегося учением лютеранства и заточенного за это в Соловецкий монастырь. Автор от лица Церкви просит патриарха Адриана применить по отношению к Петру Артемьеву те же действенные, как он полагает, меры наказания: «Не даждь мя в поругание и посмех злословцу сему, простири руку помощи... прошу иждени его, яко праха ветр, по прежде реченному, в дальняя места и заключи уста его злохульная, яко и доднесь православнии грецы архиерее анафематствуют таковыя появлшыися и заточают в непроходная места и заключают в неприступная хранила и темницы. Яко и zde прежде неколиких лет Иоанна некоего, зоваемаго Козырева, новгородца, лютерствовавшая в себе самом точию, с иными же о том мало или ничто разглаголствовавшая, обаче по указу святейшаго Иосифа патриарха он, Иоанн, заточен бысть в Соловецкий монастырь, и тамо во всеконечном безмолвии пребысть, не получая с ким что беседовати, ниже чернил и пера, и хартии приимати,

на еже что бы и кому написати. И тако зломыслие его ищезе доднесь» (цит. по: [4, с. 118]). Трудно сказать, на чем основаны знания Евфимия, касающиеся дела Ивана Козырева. По-видимому, он пользовался какими-то документами, зафиксировавшими данные события.

**СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО И ИХ РОЛЬ
В СОЧИНЕНИЯХ АФАНАСИЯ ХОЛМОГОРСКОГО,
ИГНАТИЯ (РИМСКОГО-КОРСАКОВА)
И АВТОРА «ЖИТИЯ ФЕДОРА РТИЩЕВА»**

Задачу защиты православия, и в частности учения православной Церкви о времени пресуществления святых даров, решают и составители книги «Щит веры», когда, реконструируя историю противостояния «грекофилов» и «латинствующих», делают отсылку к Ферраро-Флорентийскому собору и к сопутствующим ему событиям (путешествие в Италию византийского императора Иоанна VIII Палеолога), в том числе сверхъестественного характера (чудесное явление святого Сергия Радонежского, покровительством которого спаслись русские участники «богоненавистного собора» Симеон Суздальский и посланник из Твери Фома, преследуемые латинянами за то, что они отказались от унии) [3, с. 88–89].

События прошлого нашли отражение и в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского. В рамках полемики со старообрядцами и рассуждений на темы грамматического знания («грамматического искусства») и книжного исправления автор отсылал читателей, например, к Великим Минеям Четвертым митрополита Макария. В конце «Увета духовного» приводится предисловие из этого памятника (с небольшими сокращениями)⁵. Афанасий Холмогорский дает высокую оценку этому грандиозному, имеющему огромное значение в истории русской культуры труду митрополита Макария, который, как замечает автор «Увета духовного», таким собранием книг «Церковь святую зело одарил»⁶. Это лишь один пример использования культурно-исторического опыта прошлого в «Увете духовном», в действительности события минувшего (а также исторические персонажи, выдающиеся иерархи Русской Православной Церкви) довольно часто упоминаются автором книги в ходе осмысления стоявших перед ним проблем: разъяснение подоплеки обрядовой реформы и книжной sprawy, увещание поборников «старой веры», критика составленной их вождями челобитной. Таким образом, обращение к традиции, интерпретация исторического опыта прошлого в приложении к событиям второй половины XVII в. способствовали более глубокому их осмыслению и оценке.

Следует отметить также частое использование церковными писателями второй половины XVII в. минувших событий, которые происходили уже на их памяти. В некоторых из них они сами принимали участие

⁵ Увет духовный. М., 1682. Л. 266–270.

⁶ Там же. Л. 265 об.

или были свидетелями происходившего. Примером может служить Житие патриарха Иоакима, автор которого воскрешает целый ряд исторических событий и фактов, связанных с жизнью описываемого им героя [6, с. 144–145]. В Житии упомянута война с Польшей (1654–1667 гг.), в которой в молодости принимал участие будущий патриарх («послан бысть сопровитв сопостатов в Киевския страны»). Об этих событиях вспоминал и сам патриарх Иоаким в Духовном завещании, которое также входит в структуру его Жития: «в велием моем усердии желая за моя злая дела и многое прегрешение, яже в мирском житии и в военных случаях полковых содеях и прогневах Творца моего Владыку...» (цит. по: [6, с. 179]). По прошествии многих лет, перед смертью патриарх Иоаким осмысливает свою сопричастность к этим событиям и свои поступки («злые дела») как грех перед Богом.

В тексте Жития также нашел отражение эпизод из истории борьбы официальной Церкви со старообрядцами. Речь идет об отправке делегации духовенства с увещательной грамотой новгородского митрополита Иоакима (будущего патриарха) в Соловецкий монастырь, где укрывались противники церковной реформы, ревнители «старой веры». Автор текста привлек внимание и к такому важному событию в жизни Церкви и государства, как избрание преемника патриарха Иоакима после его кончины. Об этом повествуется в центральной части Жития, которую представляет Послание архимандрита московского Новоспасского монастыря Игнатия Римского-Корсакова (будущего митрополита Сибирского и Тобольского), адресованное Афанасию Холмогорскому⁷. Описывая сложные обстоятельства выборных событий, архимандрит Игнатий, по-видимому, основывался на собственных воспоминаниях (хотя прошло совсем немного времени). По его словам, столкновения разных властных группировок при избрании нового патриарха были обусловлены тем, что на патриарший престол притязал «иноплеменник»: «иже быше иноплеменник, притворяшеся же россиянин». Игнатием упомянуты также недавние события, связанные со спорами о Евхаристии и имевшие чрезвычайно важное значение для писателей патриаршего круга как для одной из сторон этого исторического конфликта.

Память о прошлом нашла отражение и в Житии Федора Ртищева. Здесь, как и в Житии патриарха Иоакима, упомянута война с Польшей, а также Медный бунт, во время которого чуть не погиб Ртищев, находившийся в это время в с. Коломенском, но был спасен «мановением Божественного промысла». Нападение на него, по мысли автора Жития, было инспирировано дьяволом, который не мог терпеть добродетелей «милостивого мужа»: «Завидя добродетели мужа вечный ратник противу благих, сопостат диавол, не стерпев его весма всем всегда благотворения проявления, воз-

мути мятежных и буйх человек, еже напраснствовати на сего благотворца <...> И възмятошася на сего милостиваго мужа яко неистови <...> Феодор же во оно время бе в селе Коломенском, в дому царском, в велице страсе, близ самыя смерти, его же ради исповедався, сподобися прияти пречистое Тело и Кровь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И мановением Божественнаго промысла оные мятежники страхом объяти быша, и гоними повелением царским, разбегашася, инии же яти быша. И тако он любомудрый муж избавися от сети ловящих. Сеть сокрушися, и он избавлен бысть, ибо весть Господь благочестивыя от напасти избавляти» (цит. по: [7, с. 242]).

Приведенные примеры показывают, что отсылки в обоих житиях к минувшим (хотя и совсем недавним) реальным событиям и фактам указывают на стремление их авторов продемонстрировать лучшие качества своих героев, принимавших участие в этих событиях, связать их с современным историческим контекстом, обосновать достоверность агиографического повествования.

Помимо крупных (ключевых для разных социальных групп) исторических событий, в исследуемых текстах отмечается интерес изучаемых авторов к, казалось бы, рядовым случаям, имевшим для них особое значение. Об одном таком памятном случае пишет Игнатий (Римский-Корсаков) в том же Послании к Афанасию Холмогорскому. Он напоминает холмогорскому владыке о том, как однажды при посещении казанским митрополитом Адрианом патриаршей ризницы патриарх Иоаким подарил ему «излишний» посох и, благословив, предрек сан патриарха: «Яко во блаженной памяти святейший Иоаким патриарх, еще жив сый егда, некогда ходившу ему своима двема архиереома в патриаршей своей ризнице, и егда возже ле святейший Адриан, еще сушу митрополитом Казанским, просити излишняго ис патриархии посоха, тогда святейший Иоаким патриарх благослови его посохом и патриаршество прорече, еже и збытсся по его благословению и проречению по скончанию его...» (цит. по: [6, с. 177]). Здесь можно наблюдать, как мелкий эпизод из повседневной церковной жизни, поначалу известный небольшому кругу очевидцев, будучи письменно зафиксированным в Послании, а затем в Житии патриарха Иоакима, в контексте рассказа об избрании его преемника приобретает символическое, судьбоносное значение: извлеченный из памяти бытовой случай становится важным элементом значимого для Большой истории события. Происшествие с патриаршим посохом в интерпретации автора указывает на Божий промысел в решении судьбы Адриана, а также на провидческий дар патриарха Иоакима, о смерти которого Игнатий рассказывает как о кончине житийного героя, привлекая элементы археографической топики: дар предвидения – один из элементов атрибутики святого.

Игнатий Римский-Корсаков широко использует события прошлого (в том числе и недавнего прошлого) и в «Сибирских посланиях», составляющих ком-

⁷ Эта часть Жития имеет название: «Послание боголюбимому Афанасию, архиепископу Колмогорскому, како бысть преставление святейшаго Иоакима патриарха». См.: [6, с. 164–178].

плекс из трех текстов разного объема, относящихся к позднему («сибирскому») периоду его литературного творчества, когда он занимал кафедру митрополита Сибирского и Тобольского. Обличая учение идеологов и вождей урало-сибирского старообрядчества, митрополит Игнатий рассматривает его как ересь. В протестном движении ревнителей «старой веры» он видит новый этап еретического движения на Руси. В связи с этим он вспоминает о новгородских событиях XV в., описанных в «Просветителе» Иосифа Волоцкого (обстоятельства возникновения и распространения «ереси жидовствующих»). Митрополит Игнатий выписывает большие цитаты из «Просветителя», которые выполняют роль авторитетных аргументов в полемике с противниками патриаршей Церкви.

Наряду с извлечениями из источников, содержащих сведения о далеко по времени отстоящих событиях (в том числе ветхозаветной истории), автор «Сибирских посланий» часто обращается к историческим реалиям и фактам недавнего прошлого. Особый интерес с исторической, а также с литературной точки зрения представляют здесь повести о самосожжениях старообрядцев⁸, описывающие «гари», происходившие до приезда Игнатия в Сибирь⁹.

Повести о «гарях» были включены писателем в Третье послание комплекса с целью обличения идеи «огненной смерти», которую разделяла часть старообрядчества, полагая добровольную гибель в огне единственно верным способом спасения собственных душ от власти антихриста и его слуг. В контексте Послания каждый случай массовых старообрядческих самосожжений, имевших место в Урало-Сибирском регионе или европейской части России во второй половине XVII в., представлен в преобразованном и в определенной мере искаженном в результате позднейшего осмысления виде: место каждого подлинного события прошлого занял его литературно сконструированный образ. Композиционная структура повестей выстроена с использованием художественных сюжетов, мотивов и образов, в том числе топики жанра чудес и видений (мотив голосов из загробного мира, мотив адского пламени, явление двум старообрядцам кружащихся над загоревшимся овином «синцов» и др.). Анализ повестей дает возможность увидеть, как рассказы о реальных событиях в ходе устного бытования и разных столкновений осложнялись домыслами, легендарными сведениями и деталями сверхъестественного характера, получив впоследствии статус письменного текста. Важно понимать, что каждая из этих повестей в глазах автора

Послания и его читателей (сибирской паствы, к которой обращался митрополит Игнатий) представляла собой достоверный рассказ о реальных событиях прошлого (хотя и недавнего). Недаром в конце каждого рассказа тобольский митрополит приводит поучительный для читателей вывод из случившегося трагического события [9, с. 133–141].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая наше исследование, можно сделать следующие выводы. Церковные писатели второй половины XVII в., как показывает анализ их сочинений, часто обращались к событиям прошлого, решая свои творческие и идеологические задачи, главными из которых были защита православия и укрепление позиций Церкви, ослабленных в результате обрядовой реформы. В их текстах наряду с описанием современных реалий и фактов актуализируются события древнейшей истории и более поздних эпох, зафиксированные не только в нарративах разного времени, но и в исторической памяти участников и очевидцев событий. Отдельные из рассказов о минувших событиях имеют устное происхождение: передаваясь из уст в уста на протяжении ряда лет, воссоздаваемые в них образы прошлого часто наполнены домыслами, мифическими мотивами, элементами чудес. Можно констатировать, что основу творческой стратегии авторов, использовавших в своих текстах события прошлого, составляло стремление извлечь из них необходимую информацию, касающуюся того или иного предмета рассмотрения; усилить эмоциональное воздействие на читателей; расширить аргументацию в полемике с идейными противниками; и что особенно важно, сохранить преемственную связь с традицией и одновременно привлечь внимание к актуальным проблемам современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.
2. *Исаченко Т.А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015. 282 с.
3. *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. 327 с.
4. *Панич Т.В.* Сочинение «Моление Церкви» из материалов по делу Петра Артемьева: структура, источники, автор // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 102–119.
5. *Буланова Т.В.* Козырев Иван // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. С. 168–170.
6. *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 140–190.
7. *Панич Т.В.* Житие Федора Ртищева – памятник поздней агнографии // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 225–250.
8. *Шашков А.Т.* Избранные труды. Екатеринбург, 2013. 733 с.
9. *Панич Т.В.* Повести о старообрядческих «гарях» из Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) // Вест. Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 124–142.

⁸ Содержащиеся в «Сибирских посланиях» материалы о старообрядческих самосожжениях, привлекались А.Т. Шашковым в качестве исторического источника. Исследователь рассматривал старообрядческие «гари» как форму социального протеста. См.: [8, с. 81–179].

⁹ О литературной специфике повестей о самосожжениях старообрядцев и их публикацию см.: [9, 124–141].

REFERENCES

1. *Repina L.P.* History at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practices. Moscow, 2011, 559 p. (In Russ.)
2. *Isachenko T.A.* Faith and opposition in answers and denunciations of the 80-90s of the XVII century. New biblical translations in philological schools of the XVII century. Moscow, 2015. 282 p. (In Russ.)
3. *Panich T.V.* The book “The Shield of Faith” in historic and literary context of the late XVII century. Novosibirsk, 2004, 327 p. (In Russ.)
4. *Panich T.V.* Essay “Church Prayer” from materials on the case of Peter Artemiev: structure, sources, author. *Arkheograficheskie i istoriovedcheskie aspekty v izuchenii istorii Rossii*. Novosibirsk, 2016, pp. 102–119. (In Russ.)
5. *Bulanina T.V.* Kozyrev Ivan. *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* (XVII v.). Saint Petersburg, 1993, iss. 3, pt. 2, pp. 168–170. (In Russ.)
6. *Panich T.V.* Life of Patriarch Joachim according to the Register of RSL, collection of I. D. Belyaev, no. 29/1535. *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniya i publikatsii*. Novosibirsk, 2013, pp. 140–190. (In Russ.)
7. *Panich T.V.* Life of Fyodor Rtishchev – a monument of late hagiography. *Traditsii russkoy dukhovnoy kultury v pamyatnikakh pismennosti XVI–XX vv. Novosibirsk*, 2018, pp. 225–250. (In Russ.)
8. *Shashkov A.T.* Selected works. Ekaterinburg, 2013, 733 p. (In Russ.)
9. *Panich T.V.* Stories about Old Believer’s ‘burns’ in the Siberian epistles by Ignatius (Rimsky-Korsakov). *Vestnik Ekaterinburgskoy Dухovnoy seminarii*, 2019, no. 2, pp. 124–142. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.04.2020

Дата рецензирования 26.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020